

Геннадий Ильин

Любовь и небо

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
И46

Ильин Г. Ф.

Любовь и небо / Г. Ф. Ильин — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. — 298 с.

Первая книга трилогии "Любовь и небо". Судьба распорядилась служить во многих регионах и странах с разными людьми, делить с ними победы и поражения, усмирять бунты и восстания, голодать и спать под одной шинелью, до хрипоты отстаивать свою честь и достоинство, рисковать, быть на грани жизни и смерти, но всегда в критические моменты появлялось верное плечо незнакомого друга, спасающего от беды. Мне удивительно повезло служить с авиаторами, чистыми душой и открытыми сердцами. И это понятно – авиация других не терпит. Не все имена моих героев подлинны, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

Вместо предисловия

Про себя: профессиональный журналист и военный лётчик первого класса, влюблённый в свою работу. Пожалуй, это единственные занятия, которые мне доставляли истинные удовольствия. Они, и ещё бесконечная любовь к женщине. Я твёрдо убеждён, что нет в природе совершенней создания, чем лучшая половина человечества. Впрочем, вы это знаете не хуже меня.

И если вдруг вам покажется, что я слишком фриволен в отношениях с ними и экспрессивен в лексике, простите на честном слове.

Жизнь за плечами. Я написал историю, в которой нет неправды. Не все имена моих героев по этическим и другим соображениям подлинны, но те, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

Про жизнь, про службу и любовь

Летать рожденным посвящается

Любовь и небо. Книга 1.

Глава первая

Жара была невыносимой. Раскалённый воздух жадно слизывал с полуголого тела обильный пот, но оно не просыхало.

Держась на почтительном расстоянии, мальчуган годков около четырёх настырно преследовал двух подружек, направляющихся к Волге. Реветь он уже устал, и теперь тихо скулил, ковыряясь в носу и придерживая левой рукой, сползающие, выдавшие виды, трусишки на помочах.

– Ну что ты прилип, как репей, – не выдержала одна из девчонок, – я кому сказала: марш домой! – и сделала угрожающий шаг ему навстречу.

Будь бы пацан постарше, он бы сумел ответить своей обидчице. Однако в своём лексиконе подходящих слов не находил. Только и подумал с досадой: «Вот стервы!». Выражению этому он выучился у своего дружка Витьки, который к месту и не к месту любил повторять его, подражая отцу. Красиво, коротко и веско.

Вы, конечно, сообразили, что тот, который гундосил, был я.

Не знаю почему, видимо Господу Богу только известно, что давным-давно я получил право на свободу слова и передвижения. Ну, что тут поделаешь, если человек родился!

– Хрен с вами, – шмыгнул я носом, выбил на песок густую зелёную соплю и зашлёпал босыми ногами к кинотеатру, где вот уже третий день показывали «Волшебное зерно», в главной роли которого играл Сергей Мартинсон. Но об этом я узнал гораздо позже.

На этот раз контролёрша проявила исключительную бдительность, когда я попытался прошмыгнуть в зрительный зал вместе с толпой. Она ловко выудила меня за ухо из длинной очереди и молча выдворила в вестибюль. Что ж, если не повезёт, то обязательно с обидой и болью...

Скорее обескураженный, чем огорчённый, я уныло поковылял к дому № 596 по улице Дзержинского. В этом роскошном кирпичном четырёхэтажном здании в коммуналке и находилась наша замеча-

тельная двухкомнатная квартира с подселением, которой премировали моего отца за ударную работу на тракторном заводе.

Раньше мы жили в бараке на Южном посёлке, и я до слёз завидовал друзьям, которые имели отдельные квартиры с тёплым толчком и водопроводом. Теперь всё это было и у нас, а соседи мне не мешали: с ними было веселее. Да и Кольку, моего младшего брата, на лето отправили к тетке в деревню.

Ключ от входной двери я привычно нашарил под ковриком, а через минуту уже выудил из кастрюли кусок чёрного хлеба и огурец. Зимой я никогда не наедался, но на дворе стоял июль, и Сталинград утопал от изобилия овощей и фруктов.

Живот округлялся, и начатый неудачно день стал казаться не таким уж и плохим. Даже можно сказать хорошим, если не замечательным. Чем не лафа – сидеть в прохладной комнате, лопать и рассматривать гитару с большим кумачовым бантом на грифе, висящую над кроватью сестры. Правда, под угрозой физического наказания прикасаться к ней запрещалось. Сущность его я усвоил давно и относился к нему с уважением.

Однако вскоре мне это надоело, и я переключил своё внимание на приоткрытую балконную дверь. Он мне нравился тем, что оттуда, с высоты, открывалась отличная перспектива и возможность наблюдать за суетой улицы.

Через мгновение я уже был за балконной дверью. И внимание сразу же привлекла роскошная радужная стрекоза. Она сидела на стене, рядом с перилами и нервно трепетала крылышками. Честно говоря, я тогда не знал, что это насекомое называют стрекозой. На местном наречии оно называлось коромыслом. Сблэзн поймать такую прелесть был выше инстинкта самосохранения. Я тихонько приставил к перилам старенькую скамеечку и медленно, соблюдая осторожность, потянулся за ним.

Стрекоза, словно подраживая, вспорхнула и снова уселась, но на вершок подальше. Но манёвр красавицы меня не остановил. Вытянувшись в струнку, я уже готов был схватить её за крыло, и... сорвался вниз.

Мне крупно повезло: приземление произошло на четыре точки, и я ободрал только колени и локти. Да и балкон находился на втором этаже.

В больницу меня отнёс отец, а через три часа я уже лежал дома в своей постели, и мать хлопотала около, стараясь угадать мои желания. Даже сестра, гадюка, – и та нежно трепала мои белесые кудряшки.

Здесь бы самое время сказать, что кто-то из окружающих высказал мысль, что раз, мол, малец сорвался со второго этажа – быть ему лётчиком. Но такого никому и в голову не пришло, хотя на слуху у всей страны звучали имена Чкалова, Гризодубовой и Левандовского...

Что ещё запомнилось из раннего детства?

Воздушные бои в небе Сталинграда.

Уже второй год шла Великая, кровавая война, и фашистские самолёты беззастенчиво, как у себя дома, хозяйничали в воздушном пространстве Волжской столицы.

Однажды утром мне довелось быть свидетелем кратковременного боя наших ястребков с мессерами над Спартановкой. В памяти остались надсадные завывания моторов и приглушенные расстоянием пулемётные очереди, похожие на гороховую дробь в решете.

Из Сталинграда началась эвакуация заводов и предприятий оборонного значения, потянулись к Волге первые беженцы. По опустевшим сиротливым улицам маршировали военные и ополченцы. Люди напряглись и посуровели. С лиц исчезли улыбки, а в разговорах чаще всего звучали темы военные.

От постоянных налетов вражеской авиации в городе начались пожары. Бомбы уже попадали в соседние дома. Сбросившись, жители уговорили местного батюшку совершить крестный ход вокруг нашего дома. Действительно ли помогла молитва или всё произошло по воле случая, но только дом оставался целым до самого нашего отъезда. Правда, через подъезд от нас крышу и два этажа пробил вражеская бомба, но не взорвалась.

Отец днями и ночами пропадал на тракторном заводе, демонтируя оборудование и загружая им товарные вагоны и платформы. Иногда мы его видели, и слышали скудные новости о том, что есть мнение начальства отправить рабочих в тыл вместе с заводом и с семьями. Мама этому не верила. На вокзале тысячи людей отчаянно сражались за место в любом поезде, отъезжающем на северо-восток. И каких людей! Чего уж там рассчитывать на власти, озабоченных выполнением задач Государственной важности.

Мать оказалась права. В начале августа к вечеру домой прибежал отец и сообщил, что железнодорожный состав, к которому он прикомандирован, отправляется через два часа и что семьи остаются в городе.

– Приеду на место и сразу же сообщу адрес, – успокаивал, как мог, отец плачущую мать. – Детей береги: пропадут они без тебя. Ну, прощай, Бог даст – свидимся.

И ушёл, перецеловав всех нас – Машу, меня и братца меньшего Коленьку.

И осталась тридцатичетырёхлетняя женщина с тремя детьми в осаждаемом фашистами городе. Без еды, без воды, без света, без надежды остаться в живых.

Жители покидали город. Бомбёжки участились, и по сигналу воздушной тревоги остатки людей поспешно прятались в подвалах. Считалось, что это самое безопасное место.

Как – то в разгар налёта бомбардировщиков, когда мы сидели и прислушивались, какой район обрабатывают с воздуха, в подвал заскочил настоящий фашист с автоматом. Кто он был, разведчик ли или солдат регулярных войск, никто не знал. Но все замерли от испуга, прижимаясь, друг к другу. Полоснёт сдуру из автомата по гуще женщин и детей, и – всё. Немец на секунду окинул взглядом насмерть перепуганную толпу, и молча выскочил наружу. Пронесло, слава тебе, Господи!

Надо было на что-то решаться. Война стремительно приближалась. Последние запасы продуктов истощились. Мать бегала на разбомблённый паточный завод, приносила в бидоне патоку, доставала откуда – то крахмал и пекла лепёшки. Но и эти скудные съестные

товары вскоре кончились, и как – то наутро, погрузив немудрёный домашний скarb на где-то раздобытую двухколёсную тележку, мы двинулись за город. Схватившись за край телеги, я, с небольшой котомкой за плечами, в которую мне положили чугунок, торопливо перебирая ногами, спешил за взрослыми, но не поспевал. Чугунок меня перетягивал, и часто ронял. Запряжённая в оглобли мать тянула телегу, как ломовая лошадь, а сестра подталкивала сзади.

Мы уже выбрались на центральную площадь, когда в небе появились немецкие бомбардировщики. Не знаю, по каким объектам они работали, но нам казалось, что смертоносный груз сыпется на наши головы. От страха мы забрались под телегу, как будто она как-то могла защитить.

Что делается наверху, мы не видели, но душераздирающий тоскливый волчий вой падающих бомб впивался в наши сердца, заставляя тела сжиматься от ужаса. От мощных взрывов земля содрогалась и стонала, и я видел, как в полукилометре от нас подпрыгивали и рушились стены и горели здания. Мать, обняв нас руками, словно насадка своих птенцов, непрерывно молилась.

Через несколько минут воздушный налёт закончился, котомку мою выбросили, посадили на телегу рядом с Колей, и мы немедленно двинулись к станции Гумрак, где по слухам ещё работала переправа за Волгу.

И снова мать, обливаясь потом, упорно тянула за собой и поклажу и меня с Коляшей. О чём она думала? Пожалуй, ни о чём. Подчинённая животному инстинкту, она старалась как можно быстрее увести своё потомство от реальной опасности. А может, всё-таки, думала?

Уроженка села Серино, она, по рассказам, была первой девкой во всей округе. Лёгкая на подъём, мастерица на все руки, мать с петухами принималась за немудрёное при их бедности хозяйство. Живая и общительная от природы, весёлая и находчивая, она была душой сельской молодёжи и украшением каждых посиделок. В своё время она закончила четырёхлетнюю церковно-приходскую школу – для крестьян образование, считай, что высшее – и в старости любила подчеркнуть, как за примерную учёбу её премировали отрезом на